

Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ.

XVIII.

Ужъ близко роковое поле.
Кому-то пастъ рѣшить судьба?..
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
И пушки голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою:
«Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»
Сказалъ и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель;
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Бто бъ не последовалъ за нимъ?

XIX.

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой,
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удалцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ неприязненныхъ шатровъ,
Ихъ часовые увидали—
И пушка грянула по нимъ.
И витязи спѣшать на встрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ
Они поддерживали сѣчу,
Стыдась и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился:
Одинъ подъ саблю свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился..
Оружье брось—надежды нѣтъ;
Черкесь, читай свои молитвы!
Въ крови твоей шелковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы..
Вдругъ пыль и крикъ—онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не бесполезный!
Глядятъ—и видятъ надъ холмомъ
Стоить ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX.

Недолго Измаиль стоялъ.
Вдохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся, и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами виденъ сталъ,
Вездѣ, налѣво и направо,
Черта по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ:
Не видать блескъ ся враги
И беззащитно умираютъ.
Какъ юный левъ, разгораясь,
Въ средину ихъ врубился князь;
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули;
Но что жъ? Его хранитъ Пророкъ!

Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ, погибель рассыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долину той.

XXI.

Далеко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлыхъ трамскихъ табуновъ
Разсѣдланнй, хладѣя постепенно,
Лежалъ издохшій конь, и передъ нимъ,
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесь. Соратника лишенный,
Крестомъ сжавъ руки и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ;
Его печаль—была печаль героя.
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подскакалъ Селимъ,
[Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы].

XXII.

—«Бѣда! сказалъ онъ: князя не видать!
Куда онъ скрылся?» «Если хочешь знать,
Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
Гдѣ гуще пыль, и смерти крикъ сильнѣе,
Гдѣ кровью облить мертвой и живой,
Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.
Онъ тамъ.. Смотри: летитъ какъ съ неба
Его шашка и конь—вотъ наметы! пламя.
Онъ тамъ; какъ духъ, разить и невредимъ,
И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!»
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лѣсть была чужда степенъ свободы.

XXIII.

Бто этотъ русскій съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ,
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И казаковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила—и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ.. напрасно; обманулся
Его свинецъ!—но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: «ты вновь передо мной!
Свидѣтель Богъ: не я тому виной!..»
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла,
И отдѣлась отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова, и конь ретивый,
Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало,
И миръ сму! въ единый мигъ онъ
Любить и ненавидѣть пересталъ.
Не всѣмъ такое счастье суждено.

XXIV.

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки;